

В.В. Серов

О времени формирования юстиниановской идеи реконкисты

Тема ранневизантийской реконкисты Запада предполагает, в частности, рассмотрение круга вопросов, связанных с исследованием внешнеполитических целей и планов императора Юстиниана. Первостепенное значение среди них имеет вопрос о времени внятной дефиниции и первоначальной инсталляции задачи восстановления Римской империи. В историографии понятие «восстановление Римской империи» трактуется синонимично понятию «реконкисты Запада», хотя, если подходить к первому из этих понятий принципиально, то следовало бы признать, что восточное направление внешней политики заслуживает не меньшего внимания, чем западное: часть восточных земель Римской империи также была утрачена в прошлом, да и в сфере религиозной у Византии имелись претензии к «варварскому» Ирану. Как известно, Юстиниан I начал свои знаменитые войны войной с Ираном, чем продемонстрировал устремлённость прежде всего на Восток, а не на Запад. Если «реконкиста» представлялась Юстиниану целью номер один уже в первые годы его самостоятельного правления, или тем более раньше – в конце правления Юстина I, то основательная финансовая подготовка к масштабным мероприятиям на Западе должна была начать осуществляться ещё в конце 20-х гг. VI в. Тогда следы этой подготовки могут быть обнаружены в многообразных мероприятиях административного характера, в выработке идеологических обоснований имперских претензий на экуменическую гегемонию или в появлении соответствующей внешнеполитической доктрины. Если же идея покорения варварских королевств родилась спонтанно, под влиянием благоприятных сиюминутных обстоятельств и видов возможной политической или иной выгоды, то финансовое обеспечение её воплощения приобретало большую актуальность в краткий период, так как требовало ускоренной мобилизации имевшихся ресурсов или создания новых.

Кажется, нет ничего сложного в том, чтобы по представленным формально-логическим обоснованиям прийти к определённому выводу, однако ситуация, сложившаяся в современной историографии вокруг проблемы теоретического обоснования Юстинианом необходимости проведения своей завоевательной политики, заставляет предпринять специальный краткий обзор основных работ, касавшихся данной проблемы, а также придать выводу об отсутствии у Юстиниана завоевательной программы в первые годы его правления большую обоснованность.

В настоящее время существуют две точки зрения по вопросу о происхождении гегемонистских замыслов Юстиниана Великого. Первая и главная (Э. Хрисос, например, называет эту точку зрения «давно господствующей научной позицией» [1, р. 41]) – по времени возникновения и по количеству исповедующих её специалистов – признаёт за несомненный факт наличие у Юстиниана ещё до его интронизации замысла отвоевания утраченных римских областей [2, с. 408; 3, s. 115; 4, р. 5; 5, с. 268; 6, с. 196; 7, с. 298; 8, р. 47; 9, р. 128]. Вторая точка зрения отличается осторожностью; обладатели её, не возражая в целом против наличия в Византии в конце V–VI в. публичной идеи возврата Запада в лоно цивилизации и ортодоксальной религии, тем не менее выражают сомнение в том, что Юстиниан и его окружение деятельно разрабатывали долгосрочную программу конкретных действий по реализации данной идеи, и к началу войн на Западе существовал чёткий план последовательных военно-политических мероприятий [10, р. 63–64; 11, р. 108; 12, с. 7–8].

Уверенность приверженцев первой из этих двух точек зрения основывается на старом, как сами византийские штудии, тезисе о том, что после падения Западной Римской империи и возникновения на её территории варварских королевств там, на Западе, должны были сохраниться общественные элементы, которые не признали утрату Римом статуса великого города и столицы цивилизованного мира и не согласились с господствующим положением ариан в религиозной сфере. При этом в соответствующих исследованиях не учитывалось то обстоятельство, что Рим в конце V в. не лишился на Западе (в том числе среди варваров) признанного позднеантичным обществом статуса «великого» и «вечного» города¹ [13, с. 33; 14, р. 44], а стремление принизить его значение как первой столицы империи и главного христианского центра существовало не на варварском Западе, но исходило из Константинополя [15, с. 50–59]. Условным было и противостояние западных ариан и ортодоксов: как известно, вестготы и остготы в созданных ими государствах не угнетали православных римлян по религиозным основаниям, а франки и вовсе исповедовали никейский символ веры; в Африке при всём

¹ Например, Прокопий Кесарийский сообщает о характерном отношении к Риму остготского короля Тотилы (Procopius Caesarensis, *Bella Gothica*. III.21.19) и франкского короля Теодоберта (*Ibidem*, III.37.1–3).

пресловутом ожесточении вандалов против католиков² гонениям подвергались африканцы, как православные, так и ариане, а начиная с конца V в. вообще складывается тенденция укрепления во внутренней политике веротерпимого направления [16, с. 167]. Во всяком случае уникальный африканский пример враждебного отрицания католического обряда представлял собою достаточно слабый повод для того, чтобы разрабатывать в Византии глобальную агрессивную религиозную политику. Поэтому никоим образом нельзя говорить о наличии на Западе серьёзных причин для постоянного недовольства романизированного населения варварским засильем; кроме того, подобное недовольство не зафиксировано современными источниками. Германцы благоговели перед некоторыми важнейшими достижениями римской цивилизации [17, р. 449–452]; варварские общества были склонны к восприятию и усвоению определённого опыта позднеримской экономической и политической жизни, и потому их стремление к романизации при неприятии «варварами» многих особенно одиозных её проявлений, воспринималось римской элитой, оставшейся в этих королевствах, вполне благоприятно³. Разумеется, и на варварском Западе, и на римском Востоке звучали отдельные реплики о необходимости вернуть времена полного господства римской культуры (важно не путать это стремление, слабо присутствовавшее в уже завоёванных германцами областях бывшей Римской империи, с активным противодействием верхушки римского общества «варваризации» общественно-политической жизни в предшествующий период позднеримской истории), однако они не способны были сами по себе сформировать цельную государственную теорию «римского возрождения» или хотя бы стать основой для формирования ранневизантийской идеи реконкисты. В данной связи кажется очевидным, что пресловутая идея восстановления Римской империи – не более чем фикция, рождённая византинистами конца XVIII – начала XX в. в условиях, когда создавались все великие теории исторической науки. Идея же преемственности Византии от Рима родилась гораздо ранее и должна была укрепить политическую теорию монархии раннего Нового времени; в вышеуказанный период

² Здесь уместно вновь процитировать Прокопия Кесарийского, проговорившегося на страницах своих «Войн», что римляне сомневались во враждебности африканцев по отношению к вандалам ещё во второй половине V в. (Procopius Caesarensis, *Bella Vandalica*. I.4.19).

³ Конечно, данный вопрос не может быть решён однозначно. Мнения основных источников по нему собраны и приведены, например, Майклом Грантом [18, с. 124–130], который отметил наиболее важное свойство в отношении представителей римской элиты к «варварам» – признание за обществом последних перспективности в сравнении с прогнившим обществом римлян, не имевшим будущего. См. также мнения: О.Н. Маминой [19, с. 74–76] и П. Эймери [20, с. 439 ff.].

эта идея была подхвачена и использована уже не политиками, а рождающейся исторической наукой. Собственно «исторической» является, очевидно, родственная теория «византинизма»; благодаря трудам Ф.И. Успенского и его российских и зарубежных единомышленников и последователей эта теория стала основой длительного существования гипотезы о наличии названной идеи в ранней Византии [5, с. 35–52]. Некоторое осознание этого проникло в историографию ранней Византии в 60-е гг. прошлого столетия и со временем способствовало формированию нового научного направления, представители которого не были склонны догматизировать идею реставрации Римской империи и преувеличивать её влияние на политику Юстиниана I. В трудах, увидевших свет в рамках данного направления, принято подчёркивать приоритет конкретных интересов императора Юстиниана, а не абстрактной идеи имперской реставрации [21, с. 335; 22, р. 16; 23, р. 59; 24, с. 434–435]. Последовательное развитие данного направления привело, наконец, к первой попытке критически осмыслить методологическую базу той концепции, которая господствовала прежде; её осуществил Дж. Мурхед, поставивший под сомнение всю источниковедческую базу предшествующих исследований на данную тему: «Кое-что позволяет думать, что войны Юстиниана в Африке и Италии являлись основным выражением некой идеологии. Поэтому следовало бы предположить, что «запланированная реконкиста Запада» была доказательством «миссии восстановления древней славы империи» и одним из руководящих принципов его правления. Но единственное доказательство, которое можно привести в поддержку этого утверждения, приходит из текстов, написанных после неожиданного успеха в Вандальской войне» [10, р. 64]. И, несмотря на то, что в настоящее время мирно соседствуют оба противоположных по сути взгляда на идею отвоевания Запада в ранневизантийскую эпоху, неизбежной кажется перспектива приоритетного развития позднего, критического направления и, в конечном счёте, построение более реалистичного видения политической истории средиземноморского мира во второй четверти VI в. [25, с. 167 ff.].

Конечно, определённый – если не важнейший – вклад в создание «теории существования перманентной идеи реконкисты» внесли исторические источники середины – второй половины VI в. (Косма Индикоплов [26, р. 106, 115], Корипп [27, р. 37–38], наконец, сам Юстиниан в некоторых Новеллах (например, Nov. Just. 30.11.2–536 г.). Особенно примечателен в этом отношении Прокопий Кесарийский; он, к примеру, приводил различные версии причин наступления Юстиниана на Запад. По одной из них, война явилась следствием стремления императора Юстиниана наказать узурпатора Гелимера за его вероломство и отомстить за друга – Ильдериха (Procopius Caesare-

nsius, *Bella Vandalica*. I.9.5, 18–19, 24–25); по другой версии, Юстиниан хотел помочь бедствовавшим в Ливии православным христианам (*Ibidem*, I.10.21); согласно третьей, Юстинианом двигали корысть и властолюбие *Historia Arcana*. VI.25; XVIII.9); наконец, по ещё одной версии того же византийского историка, Юстиниан стремился освободить жителей бывшей римской Африки от «беззаконий» (прежде всего материального плана), чинимых вандалами (*Bella Vandalica*. I.20.19–20). Различие объяснений показывает, что во время написания Прокопием его произведений (по крайней мере в форме предварительных заметок по свежим событиям, очевидцем которых он являлся) ещё не существовало в завершённом виде официальной версии и, тем более, собственно идеи реконквисты. Очевидно, что до определённого момента целью императорского правительства и, следовательно, официальных авторов было не создание вышеназванной идеи, а оправдание захватнической («имперской») политики императора Юстиниана в 30–40-е гг. этого столетия.

Таким образом, как показывают литературные источники, Юстиниан I не готовился к обширным завоеваниям на Западе заранее, по крайней мере до наступления благоприятных условий для подготовки к Вандальской войне. Впрочем, у гипотезы об отсутствии изначальной установки Юстиниана на реконквисту западных земель имеются и другие доказательства. Это, во-первых, явная грекофильская направленность культурной политики императоров конца V–VI в., наиболее заметно проявившаяся в вытеснении латыни из публичного лингвистического оборота. Она едва ли всерьёз предполагала возможность присоединения латиноязычных территорий, да к тому же обладавших традицией самостоятельного развития и потому правом на известный суверенитет во взаимоотношениях с Константинополем.

Во-вторых, исчезновение из законодательства и государственной документации первой трети VI в. слов и выражений, так или иначе упоминавших Африку, Италию и Испанию. Так, в редакцию 532 г. Кодекса Юстиниана не были включены многие конституции IV–V вв., посвящённые африканским или итальянским делам, но имевшие по своей сути более широкое применение как на Западе, так и на Востоке Поздней Римской империи⁴; из ряда «африканских» и «италийских» конституций того же периода при включении их в Кодекс Юстиниана были изъяты словосочетания и фразы, оперировавшие соответствующими географическими терминами⁵; наконец, там, где изъятие

части текста было невозможно, редакторы Юстиниана по прямому, надо полагать, указанию императора заменяли её другими, лишёнными точной географической привязки, словосочетаниями⁶.

В-третьих, изменение образа Рима в официальных византийских источниках периода правления Юстиниана I. Император Юстиниан проявлял понятный интерес к первой столице империи, не упуская, например, возможности блеснуть познаниями в римской истории [28, p. 71; 8, p. 47; 29, s. 8]. Но часто упоминаемая «город Рим» ещё задолго до начала подготовки к войне за обладание Италией (в отличие от прочих названий географических объектов, не входивших в состав Византийского государства и исключавшихся из текста Кодекса Юстиниана, а также без связи с религиозной политикой императора на Западе [30, с. 165])⁷, Юстиниан, тем не менее, не смог или не пожелал изменить тот образ Рима, который уже занял своё место в идеологии и внешней политике ранней Византии: прежний, традиционный имидж Рима в VI в. уже много уступал внешнеполитическому имиджу Константинополя. Даже пресловутая уступка Риму первенства в сфере религиозной [31, p. 11–28] на деле являлась элементом многоходовой политико-дипломатической комбинации, одной из целей которой было зафиксировать за Константинополем статус второго христианского центра вселенной. В официальных документах Юстиниан I уделял немного внимания городу Риму как современной ему политической реальности, – факт, сам по себе симптоматичный для характеристики внешней политики императора, который будто бы «обращал пристальные взоры на Запад» и «строил планы возрождения былой Римской империи». К периоду 527–533 гг. относится всего 5 конституций, упоминавших Рим, причём все они датируются началом 30-х гг. (С.Ж. 2.52.7; 1.3.51–531 г.; С.Ж. 8.14.7–532 г.; С.Ж. 1.1.7; 1.17.1–533 г.), т.е. временем эскалации напряжённости отношений с Вандальским королевством. Примечательно и то, что в трёх первых из числа этих указов Рим упоминает-

360 г. (=С.Ж. 1.3.3) – весьма примечательная часть предложения, упоминавшая и Италию, и Африку, и Испанию в столь важном для Юстиниана религиозном контексте: «... alii episcopi, qui de Italiae partibus venerunt, et illi quoque, qui ex Hispania adque Africa commearunt...»; и т.д. и т.п.

⁶ Например, в С.Ж. 16.2.31–398 г. (=С.Ж. 1.3.10) произведена замена «iudices Africani» и «ad virum spectabilem comitem Africae litteris» на «praesides provinciarum» и «publicis litteris» соответственно.

⁷ Ср., например: С.Ж. 13.3.18–427 г., где Рим не упоминается, и аналог этой конституции – С.Ж. 12.40.8, – где вставлена фраза «а также города Рима»; конституция С.Ж. 15.1.11–364 г., откуда слова «вечный город Рим» не только не изъяты при её включении в Кодекс Юстиниана (С.Ж. 8.11.5), но дополнены поэтическим определением «древний и новый»; см. также адресат конституции С.Ж. 6.51.1 (от 1 июня 534 г.), направленной «сенату города Константинополя и города Рима».

⁴ Например, по Африке: С.Ж. 1.12.1–315 г.; 4.13.5–358 г.; 11.1.13–365 г.; 11.1.24–395 г.; 7.8.7–400 г.; 7.13.22–428 г.; по Италии: С.Ж. 11.27.1–315 г.; 11.16.9–359 г.; 11.10.2–370 г.; 11.13.1–383 г.; 11.28.7–413 г.

⁵ Например, из С.Ж. 8.4.2–315 г. (=С.Ж. 12.57.1) удалено выражение «de Numidia», из С.Ж. 8.10.2–344 г. (=С.Ж. 12.61.2) удалено слово «Afris», а из С.Ж. 16.2.15–

ся вместе с Константинополем на фоне остальной «римской» территории; и столь оригинальное по форме сравнение двух городов в большинстве случаев проводится в пользу Константинополя, который рядом со «старым» (*vetus*) или даже «прежним» (*antiquus*) Римом позиционировался то как «блаженный», то как «царский» город. Одновременно с этим начиная с 532 г. в законодательстве Юстиниана появляется понятие «того и другого Рима» (*utraque Roma*), получившее дефиницию в конституции от 14 декабря 533 г. («Следует же полагать, что Рим – это не только старый (город Рим), но и наш царский (город Константинополь), так как (и тот, и другой) основан милостивым богом при наилучших знаменьях» (C.J. 1.17.1.10)). Очевидно, что в начале 30-х гг. VI в. образ вечного, но старого Рима понадобился для того, чтобы дополнительно выделить Константинополь, передать ему остатки ауры Рима, всё ещё видимой современниками, в особенности жителями Запада. «Своим», т.е. византийцам, этого уже не требовалось, поскольку пропаганда последнего столетия превратила Константинополь в столицу всего римского мира, так что слово «Город» для них означало не Рим, а Константинополь, – так, вероятно, следует интерпретировать вставку «Рим» в выражение *ab urbe condita* в первом предисловии императора к изданию Дигест (ср.: C.J. 1.17.1.pr. и Dig., Praef. I.pr.). С чем это было связано? По-видимому, с тем, что именно в начале 30-х гг. Рим постепенно становится одной из фигур юстиниановской политики, но не из числа первостепенных. Судя по содержанию конституций, упоминавших Рим, император Юстиниан стремился при помощи образа этого города показать идейную связь территорий, которые некогда составляли единую Римскую державу, а также и то, что он знает об этой связи и демонстрирует способности истинного римского императора, издающего законы для всех «римлян», где бы они ни находились, а не для отдельной территории, которая объединяет лишь подданных императора. Рим в таком контексте выступал символом диаспоры римлян, рассеянных за пределами реальной империи. Выражение «старый Рим» означало, что настало время окончательно передать символику центра римского мира «новому Риму» – Константинополю, в котором находился и действительный лидер римлян – император. Не случайно, по-видимому, эпитеты Константинополя в конституциях того же периода многочисленнее и разнообразнее. Всего с 527 по 533 г. Константинополь упоминался в них более 40 раз, хотя нельзя не отметить и тот факт, что с 532 г. количество употреблений эпитетов Константинополя резко сокращается (с 8 в среднем в 528–531 гг. до одного в 532 г. и 4 в 533 г.). Очевидно, что Юстиниан I был всецело поглощён до конца 531 г. лишь Константинополем. Но и появление в законах рядом с ним Ри-

ма не изменило качества эпитетов «столичного города» («царский», «блаженный», «великий», «цветущий», «счастливым») и их количественного преобладания по сравнению с эпитетами «старого» Рима.

Таким образом, в начале 30-х гг. для увеличения авторитета Константинополя и находившегося в нём императора был использован дополнительный способ, известный, впрочем, ещё в V в., – сравнение Константинополя с Римом в более благоприятном для первого свете. Можно ли видеть в этом событии признаки формирующейся идеологии реконкисты? Если и можно, то при условии, что её формирование произошло гораздо позднее – не ранее второй половины 30-х гг.; при этом остаётся не вполне ясным повод, который подтолкнул императора к реализации существовавшей и прежде абстрактной *идеи возрождения величия Римского государства*. Считается, что этим поводом стала узурпация королевской власти в Гелимером; но здесь имеется изрядная натяжка, ибо переговоры Юстиниана и Гелимера, закончившиеся крахом политических надежд императора, завершаются приблизительно в начале 531 г., тогда как первые упоминания о Риме в конституциях Юстиниана (как гипотетический признак изменения внешнеполитической доктрины Юстиниана) появляются в конце того же года. Точно в такой же мере поводом к подготовке антивандалской экспедиции могло стать восстание самаритян 529–530 гг. [7, с. 300] или какое-то иное, ныне неизвестное нам событие.

Очевидно, что возрождение былого столичного статуса Рима не входило в планы Юстиниана, а именно такая проблема встала бы перед ним, задумав он действительное возрождение действительно «Римского» государства. Прокопий Кесарийский, относившийся к Риму с восторженным пиететом (например, *Procopius Caesarensis, Bella Cothica*. III.22.9), отметил холодное равнодушие императора Юстиниана к судьбе этого города (см. наиболее характеристичный фрагмент: *Bella Gothica*. III.21.19–25). Да и вся политика Юстиниана в Италии в 30–50-е гг. VI в. свидетельствует о том же равнодушии, проявлявшемся особенно в периоды осады «вечного» города готами. Рим нужен был Юстиниану как некий символ, обладание которым давало бы возможные политические преимущества перед варварским миром, что, впрочем, не исключало и возможности отказа от него при условии обременительности его приобретения или обладания им.

Таким образом, можно утверждать, что идея реконкисты Запада приобрела актуальность и относительную завершённость не в начале правления императора Юстиниана, а после того, как были проведены первые и очень успешные операции византийцев против варварских королевств Африки и Италии, т.е. не ранее середины 530-х гг.

Библиографический список

1. Chrysos, E. Zur Reichsideologie und Westpolitik Justinians. Der Friedensplan des Jahres 540 / E. Chrysos // *From Late Antiquity to Early Byzantium* / Ed. by V. Vavřínek. – Praha, 1985.
2. Гиббон, Э. Закат и падение Римской империи / Э. Гиббон. – М., 1997. – Т. 4.
3. Kirchner, K. Bemerkungen über die Heere Justinians / K. Kirchner // *Festschrift Th. Nölting*. – Wismar, 1886.
4. Diehl, Ch. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709) / Ch. Diehl. – P., 1896.
5. Успенский, Ф.И. История Византийской империи. VI–IX вв. / Ф.И. Успенский. – М., 1996.
6. Васильев, А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.) / А.А. Васильев. – СПб., 1998.
7. Удальцова, З.В. Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации империи на Западе / З.В. Удальцова // *История Византии*. – М., 1967. – Т. 1.
8. Maraval, P. L'empereur Justinien / P. Maraval. – P., 1999.
9. Mazal, O. Justinian I. und seine Zeit / O. Mazal. – Köln ; Weimar ; Wien, 2001.
10. Moorhead, J. Justinian / J. Moorhead. – L. ; N.Y., 1994.
11. Cameron, Av. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–600 / Av. Cameron. – L. ; N.Y., 2000.
12. Курбатов, Г.Л. (Фрагмент из архива подготавливавшихся к новому изданию «Ранневизантийских портретов», глава «Юстиниан») / Г.Л. Курбатов // *Власть, политика, право в античности и средневековье* / отв. ред. Е.П. Глушанин. – Барнаул, 2003.
13. Диль, Ш. История Византийской империи / Ш. Диль. – М., 1948.
14. Laçon, B. Rome in Late Antiquity: Everyday Life and Urban Change, AD 312–609 / B. Laçon. – Edinburgh, 2000.
15. Серов, В.В. К проблеме формирования столичного статуса Константинополя / В.В. Серов // *Византийский временник*. – 2006. – Т. 65.
16. Диснер, Г.-И. Королевство вандалов. Взлёт и падение / Г.-И. Диснер. – СПб., 2002.
17. Pohl, W. Justinian and the Barbarian Kingdoms / W. Pohl // *The Cambridge Companion to the Age of Justinian* / Ed. by M. Maas. – Cambridge, 2005.
18. Грант, М. Крушение Римской империи / М. Грант. – М., 1998.
19. Мамина, О.Н. Отражение политической организации галло-римского общества второй половины V в. н.э. в сочинениях Сидония Аполлинария / О.Н. Мамина // *Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества*. – Свердловск, 1984.
20. Amory, P. Ethnographic, Rhetoric, Aristocratic Attitudes and Political Allegiance in Post-Roman Gaul / P. Amory // *Klio*. Bd. 76. 1994.
21. Hunger, H. Kaiser Justinian I. (527–565) / H. Hunger // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philologische-historische Klasse*. Bd. 102. 1965.
22. Pringle, D. The Defense of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest / D. Pringle. – Oxford, 1981. – Part I.
23. Treadgold, W. A Concise History of Byzantium / W. Treadgold. – N.Y., 2001.
24. Bringmann, K. Justinian I. 527–565 / K. Bringmann // *Die römische Kaiser* / Hrsg. von M. Clauss. – München, 1997.
25. Meier, M. Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontigenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr / M. Meier. – Göttingen, 2003.
26. García Moreno, L.A. The Creation of Byzantium's Spanish Province. Causes and Propaganda / L.A. García Moreno // *Byzantion*. T. 66. 1996.
27. Shea, G.W. Justinian's North African Strategy in the *Johannis of Corippus* / G.W. Shea // *Byzantines Studies/Etudes Byzantines*. Vol. 10. 1983.
28. Dvornik, F. Byzantium and the Roman Primacy / F. Dvornik. – N.Y., 1966.
29. Haase, R. Untersuchungen zur Verwaltung des spätromischen Reiches unter Kaiser Justinian I. (527 bis 565) / R. Haase. – Wiesbaden, 1994.
30. Рансимен, С. Византийская теократия / С. Рансимен. – М., 1998.
31. Frend, W.H.C. Old and New Rome in the Age of Justinian // *Frend W.H.C. Religion Popular and Unpopular in the Early Christian Centuries*. – L., 1976.